

100-летию со дня рождения Ф. В. Лопухова посвящается

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ СОВЕТСКОГО БАЛЕТНОГО ТЕАТРА

ЛИЧНОСТЬ Федора Васильевича Лопухова уникальна — обширностью знаний, широтой интересов, многообразием творческого дара.

Ф. В. Лопухов прекрасно владел литературным словом. Им написаны десятки статей, рецензий для периодической печати, его перу принадлежат книги: «Пути балетмейстера», «60 лет в балете», «Хореографические откровения».

Еще одно бесценное качество автора обнаруживает литературное наследие: соединение в одном лице досконально знающего технологию балетика и широко мыслящего, идущего к обобщениям, теоретика. Каждая оценка спектакля, артиста в статьях ли, или в двух последних мемуарных книгах Ф. Лопухова перерастает в размышления о путях и закономерностях балетного искусства. Блестящий пример теоретичности — первая же книга «Пути балетмейстера», давно ставшая библиографической редкостью не просто по малочисленности тиража. Пророческие откровения содержит эта книга, чрезвычайно важная для всех деятелей балета. Размышляя о взаимоотношениях музыки и хореографии, автор в труде, изданном в 1925 году, подсказывает ту высшую, равную музыке, поэтически условную образность танца, что получает развитие лишь в наши дни, на рубеже 50—60-х годов.

Ф. Лопухов тонко понимал литературу, был отменным знатоком музыки, сам играл на гитаре, фортепиано, подчас и аккомпанировал на концертах и вечерах, без труда читал партитуру (что далеко не распространенное явление среди балетмейстеров, сегодня работающих). И все многообразие интересов, знаний, одних — как следствие, другие — как причина — обуславливают балетную деятельность Мастера, которая, в свою очередь, неординарно многолика. Нет сферы в искусстве балета, где не проявил себя талант Ф. Лопухова.

Федор Лопухов — танцовщик участвовал в таком огромном количестве спектаклей, как, наверное, никто другой. Конечно, могут заметить: он не был ведущим танцовщиком. Но в тех солидных партиях, которые ему поручались, он проявил себя сполна. К тому же, танцуя в кордебалете, исполняя эпизодические роли, он приобретал тот огромный опыт, то доподлинное знание материала (при его цепкой памяти запоминаемое навсегда), которое сделало его самым эрудированным знатоком постановок великих мастеров прошлого.

А занимаясь педагогикой в еще очень юном возрасте, Ф. Лопухов был признан незаурядным репетитором, чьему способствовало, помимо собственного дарования, то, что воспитывался он в классе непревзойденного педагога Николая Легата, танцевал в балетах Мариуса Петипа, Льва Иванова еще при их жизни.

Не только узкопрофессиональный дар педагога выделял Ф. Лопухова, а дар наставника, руководителя артистов и балетмейстеров, подкрепляемый к тому же организаторскими способностями. По его инициативе в 1937 году были организованы балетмейстерские курсы при Ленинградском хореографическом училище, а в 1962 году — балетмейстерское отделение при Ленинградской консерватории. Он создал балетную труппу Ленинградского Малого оперного театра, определял своеобразие коллектива на десятилетия вперед, что по сути сохраняется и сегодня. Он участвовал в создании многих национальных балетов, в их числе — белорусский, литовский, туркменский. В разные годы он был на посту руководителя Ленинградского хорео-

графического училища, балетных трупп Большого театра и Театра имени С. М. Кирова в Ленинграде.

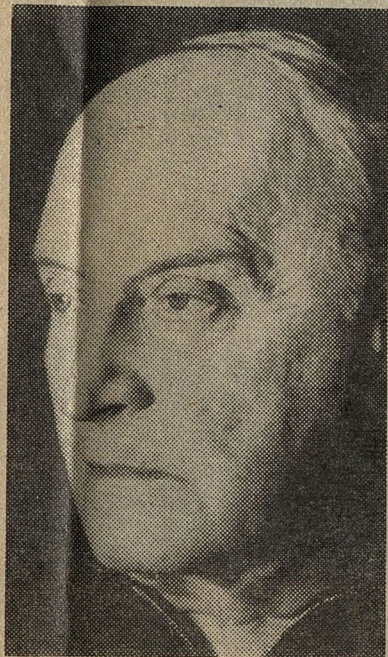
Но главное, конечно, — балетмейстерское творчество Федора Лопухова. В нем на протяжении долгой плодотворной жизни художника (он скончался на 87-м году жизни) всегда равноправными были две сферы: классическое наследие и современные постановки.

Воспитанник Петербургского училища, Ф. Лопухов, вступивший на сцену Мариинского театра при жизни М. Петипа, а выпускником участвовавший в балетмейстерском дебюте М. Фокина — «Ацис и Галатея» (в роли Ациса), знал классическое наследие в самом подлинном его виде и был всегда его яростным защитником — иначе не скажешь. Было это нелегко: и в экспериментаторски бурные 20—30-е годы, когда «неистовые ревнители» новизны призывали «сбросить с корабля современности» не только классический балет, но и гениального Пушкина, так и в замкнутое ложно понятым правдоподобием «царствие» драмбалета, когда, к примеру, сцена нереид в «Спящей красавице» признавалась бессмысленной, а «Баядерку» пытались лишить акта «Теней». Ф. Лопухов убеждал, отстаивал, боролся, не всегда побеждал, но всегда оставался при своих твердых убеждениях в самоценности наследия, убеждениях, вызревших на собственных практических опытах. А в опытах этих Ф. Лопухов, человек истинно творческий, не страшась наветов, испытал самые крайние полюсы.

В 1929 году он совершенно заново поставил «Щелкунчика». Без оснований — заново: балет этот при первой постановке на маринской сцене не был причислен к удачам. Федор Лопухов поставил его не только заново, а в резко осовремененном виде, как синтетическое зрелище, где со сцены звучал словесный текст Э. Т. А. Гофмана, а в пластике преобладала акробатика. И тот же Ф. Лопухов позже восстановил «Лебединое озеро», куда скрупулезно вернул мельчайшие, даже самые архаичные детали оригинала. Так на практике убедившись в несостоятельности как одного, так и другого пути, Мастер абсолютно искренне отверг обе своих попытки.

В конечном итоге Ф. Лопухов утвердил подход к классике — подлинно художнический, чуждый как догматизма, так и волюнтаризма. Он бережно реставрировал то, что пережило время, и досочинял новое, позволяя себе либо восполнить утраченное, либо заменять устаревшее во имя углубления смысла самого же первоисточника. И досочинял так, что не отличить от стиля, приемов, лексики старых мастеров, и счастливый тем, не ставил свою фамилию на афише, гордясь принадлежностью к наследию. Так, например, было с вариацией Феи Сирени и некоторыми фрагментами в «Раймонде». На долгие годы вперед он дал ответы на вопросы, всплывающие сейчас в подчас праздных дискуссиях: как сохранять наследие? Во многом благодаря Ф. В. Лопухову, его последователям, предпочитающим, как и он, — дело, не слова, — мы имеем наследие сохраненным, но не музейно застылым, а открывающим свою глубину соответствием сегодняшним завоеваниям искусства. Ф. Лопухов возобновлял по сути все значительные балеты наследия.

Объемным было и его собственное балетмейстерское творчество: он поставил более двух десятков оригинальных спектаклей. Сочинять начал рано, едва окончив школу, и на протяжении всей своей жизни оставался экспериментатором: каждая его постановка — разведка нового, неизданного.

В танцсимфонии «Величие мироздания» на музыку Четвертой симфонии Л. Бетховена он дал образец бессюжетного балета, заложил основы поэтического танцевального симфонизма, предвосхищая театр Дж. Баланчина, — целое направление, утвердившееся сегодня. В «Пулчинелле» И. Стравинского испытал идею сквозного действия в балете, воплощенную в развитых формах танца. Ф. Лопухову принадлежит заслуга новой, углубленной, разработки русских сюжетов, обогащения классического языка национальными фольклорными элементами — в спектаклях «Карпача» (он предложил собственную версию, отличную от фокинской), «Весенняя сказка» (музыка П. Чайковского — Б. Асафьева). К этой линии относится и его «Ночь на Лысой горе» (музыка М. Мусоргского), где впервые на балетной сцене было представлено древнерусское скоморошье игрище. Опыт имел продолжение в «Веселом представлении с пением и музыкой по русским народным сказкам» — «Байка про Лису, Петуха, Кота да Барана» И. Стравинского. То было уникальное синтетическое зрелище, где разные виды искусств дополняли друг друга.

Смело обращался Ф. Лопухов к современной теме. Он один из первых, если не самый первый, поставил балет о революции — «Красный вихрь». Он стал первым постановщиком балетов Д. Шостаковича — «Болт», «Светлый ручей». Новые принципы драматургии, сочетающие традиционные каноны с новаторскими приемами и формами, он предложил в «Ледяной девице» (музыка Э. Грига).

Разные жанры внедрял Ф. Лопухов в балетный театр. Лирика соседствует в его работах с героикой, буффонадой, гротеском. Мастер печалился, страдал, заразительно радовался, веселился и уносился в романтические дали мечты, открывая в своих спектаклях яркую, полнокровную жизнь. И всегда он оставался трубадуром танца, утверждая его виртуозность, его развитые формы, образную поэтику. Собственную выразительность танца ценил он превыше всего, и здесь — в композиции, приемах, лексике — лопуховских находок не счесть.

Шел он не торными путями, немудрено, что не все, не всегда удавалось сполна. И такого града нападок критики, своих коллег, пожалуй, не испытывал никто, как Федор Лопухов. Сегодня это понятно — он слишком опережал свое время. Но сегодня понятно и другое — никто в такой мере не заложил основы тех направлений и тенденций, которыми живет нынешнее хореографическое искусство.

ЕГО ОТКРЫТИЯ ОПЕРЕЖАЛИ ВРЕМЯ

Вспоминая Федора Васильевича Лопухова, я часто останавливаюсь на мысли, что, в сущности, именно он, а не кто иной, был предтечей балетного искусства нашего времени...

Удивительный это был человек. Кладесь таланта, фантазии, энергичного ума, редкий самородок, которого дала искусству земля.

Наверное, мало кто может сравниться с ним по той огромной и полезной деятельности, результаты которой мы видим повсюду и в наши дни.

Ф. Лопухов поставил двадцать четыре балета, несчетное количество концертных номеров. Одним из первых советских балетмейстеров он взялся за восстановление балетов классического наследия и с большим успехом выполнял эту работу в Ленинграде, Москве, Челябинске и других городах. Он реставрировал почти все старые постановки — «Спящую красавицу», «Раймонду», «Корсар», «Эсмеральду», «Дон Кихота», «Лебединое озеро» и другие. Какой гигантской, важной и полезной оказалась эта его деятельность! Много лет спустя, в 1969 году, в Большом театре готовился к выпуску балет «Лебединое озеро» в моей постановке. Консультантом этой работы был Федор Васильевич Лопухов.

Федор Васильевич прожил большую, редкую по красоте и насыщенности жизнь. Он успел написать три книги — «Пути балетмейстера», «Шестьдесят лет в балете», «Хореографические откровения», в которых изложил размышления о своей профессии, опубликовал множество статей.

С огромным интересом следил он за жизнью балета, схватывал и анализировал все новое, что появлялось в мире искусства. И если это новое, при всей сдержанности Федора Васильевича и скупости на похвалы, признавалось им — а его мнение являлось критерием оценок, — то он с почти детской восторженно-

стью и радостью об этом говорил своим коллегам.

Многие мысли о выдающихся артистах балета он изложил в своей последней книге «Российские апостолы танца».

У Ф. Лопухова был очень своеобразный характер. Его выразительные, красивые глаза нередко светились сарказмом, он едко высмеивал посредственность, лень, напыщенность и глупость. Тем не менее сам был легко раним и чрезвычайно ревностно относился к балетному искусству. Часто спорил, доказывал — тогда его слова казались обычными, рабочими, деловыми. А сегодня сказанное им мы принимаем безоговорочно и трепетно, потому что, как теперь видим, оно несет в себе большие откровения.

Душевное величие Федора Васильевича сочеталось с необычайной скромностью, отсутствием меркантильных интересов и практицизма. Всегда просто одетый, изысканно внимательный и вежливый, он спокойно нес лавры признания и славы. До последних своих дней Федор Васильевич жил в мало удобной квартире на улице Росси, в том же доме, где находится балетная школа. Каждое утро он с улыбкой прислушивался к постукиванию маленьких пуантов, доносящемуся сверху из репетиционного зала...

Федор Васильевич Лопухов был моим большим другом. Он часто приезжал в Москву, смотрел спектакли. Я всегда с радостью принимал его умные советы, с удовольствием слушал интересные рассуждения.

Талант Ф. Лопухова опередил свое время. Многие найденные и открытые им мы встречаем сегодня у разных балетмейстеров. Огромно его влияние на развитие советского и зарубежного балетмейстерского искусства. Творчество его продолжает жизнь в работах новых поколений.

Юрий ГРИГОРОВИЧ.

ство. Жаль, конечно, что такой вывод приходится делать, главным образом, исходя из исследований историков балета, особенно из бесценной, опять-таки, к сожалению, единственной, монографии Г. Добровольской, посвященной Ф. Лопухову. Да из показанных как-то по телевидению фрагментов «Ледяной девицы» и еще по памяти юбилейного вечера в честь 80-летия этого корифея советского балета, где были представлены некоторые отрывки из его постановок. И тогда действительно, как пишет Г. Добровольская: «...свершилось чудо: хореография, созданная почти столетия назад, изрядно использованная последователями, а иногда и антагонистами, прозвучала так свежо и современно, словно была поставлена только что, словно отражала нынешние характеры, ситуации, проблемы. Каскад остроумнейшей хореографической фантазии захватывал, заставлял задерживать дыхание, улыбаться и восхищаться».

Сами же лопуховские балеты, не понятые современниками, быстро сходили со сцены, и до наших дней, как ни прискорбно, не дожили. Странно лишь, что сейчас, когда так много голосов деятелей балета раздается в защиту сохранности лучших постановок первых советских балетмейстеров, опять же существует неизвестно как и кем канонизированный список имен, куда, увы! — Федор Лопухов почти никогда не включается.

Ф. Лопухов победил. Духовным наставником называет его Юрий Григорович, которого он выпускал в большую жизнь «Каменным цветком». Заветам наставника ученик (хотя непосредственно у Ф. В. Лопухова Ю. Григорович и не учил-

ся) верен всю свою жизнь. И такого талантливого хореографа, как Игорь Бельский, тоже Ф. Лопухов наставлял при первых его работах. И многие лопуховские современники испытали на себе его влияние: В. Вайнонен, Р. Захаров, Л. Лавровский, Л. Яковсон... Были и непосредственные ученики — такие интересные балетмейстеры, как В. Варкович, Б. Fenster, К. Боярский, Г. Алексидзе, Н. Боярчиков...

Как ни парадоксально, влияние Ф. Лопухова, чьи работы не сохранились, оказывается сейчас гораздо большим, чем других балетмейстеров. Очевидцы утверждают: его идеи, его приемы, его находки, а подчас и целые цитаты живут сегодня на сцене. В свое время их включили в разные вариации танцовщиц, желавшие усовершенствовать мастерство. Элементы, находки из сошедших со сцены балетов, вольно или невольно использовали балетмейстеры. Не только советские. У зарубежных тоже замечаются эти отголоски. К примеру, очень интересно было видеть «Ледяную симфонию» Л. Бетховена в постановке М. Бежара. Ведь это — повторение идеи лопуховской танцсимфонии «Величие мироздания», правда, в усеченном, куда более прямолинейно — наивном воплощении. Впрочем, сам Ф. Лопухов, наверное, посчитал бы это не столь уж и существенным.

Главное: ему следуют, — конечно, в меру своих способностей. Творчество выдающегося деятеля советского балета Федора Лопухова продолжает воздействовать на сегодняшний балетный театр.

С. ДАВЛЕКАМОВА.